

18+

Н. Линниш

Дневник со дна

Н. Линнши
Дневник со дна

«Издательские решения»

Линнши Н.

Дневник со дна / Н. Линнши — «Издательские решения»,

«Дневник со дна» — это книга-лабиринт, собранная из рассказов, архивных находок и писем без адреса. Пять башен. Четыре зрителя. Одна петля времени. И тишина, которая говорит с теми, кто умеет слушать. Войдите. Дверь открыта.

© Линнши Н.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие составителя	6
Рассказы	8
Тишина в эфире	8
Зимние каникулы	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дневник со дна

Н. Линнши

© Н. Линнши, 2026

ISBN 978-5-0070-9890-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие составителя

Я никогда не искал этих историй. Они нашли меня сами — и, как водится в таких случаях, не спросив разрешения.

Всё началось с приёмника. Старого, ещё советского, с тёплым ламповым светом и колесом настройки, которое при вращении издавало звук, похожий на хруст сухого песка. Я не радиолюбитель. Я вообще не очень понимаю, зачем купил его на блошином рынке в Иватске — городе, где оказался почти случайно, по делам, которые теперь уже не помню. Кажется, я просто проходил мимо лотка со старьём и увидел, как пожилой человек в вязаной шапке бережно протирает корпус приёмника тряпкой. В его движениях было что-то такое, что заставило меня остановиться. Через пять минут я уходил с рынка, прижимая к боку тяжёлый деревянный ящик, пахнувший пылью и старым лаком. Продавец сказал напоследок: «Он не для музыки. Он для тишины». Я тогда не придал значения. Теперь думаю — зря.

Дома, в съёмной квартире на окраине Иватска, я подключил приёмник. Тот ожил — загорелся зелёный глазок индикатора, зашуршал динамик. Я крутил ручку, проваливаясь сквозь обрывки радиостанций: местное радио передавало сводку урожая, где-то пели про любовь, где-то спорили о политике. А потом — на частоте, которую я не успел запомнить, — наступила тишина. Не шум, не треск помех. Именно тишина. Такая плотная, что в ней можно было расслышать собственное дыхание — и ещё что-то. Что-то за пределами слуха. Я слушал эту тишину каждую ночь. Сам не знаю зачем. Она успокаивала. Она казалась... обитаемой.

Однажды в этой тишине зазвучал голос. Мужской. Усталый. Он произнёс несколько фраз на языке, которого я не знал. Я успел записать обрывок. Потом — тишина. Потом — снова голос, но уже другой. Женский. И так — много ночей подряд. Я вслушивался, записывал, пытался понять. Мне казалось, что я подслушиваю чей-то разговор, который длится уже очень, очень давно. Может быть — десятилетия. Может быть — дольше.

С этого всё началось. А продолжилось — письмами.

Я не знаю, кто передал мой адрес. Возможно, никто не передавал. Возможно, адрес появился у них сам собой — как появляются вещи в местах, где их не должно быть. Первое письмо пришло в конверте без марки и без штемпеля. На листе серой бумаги — несколько строк, написанных от руки, очень аккуратно, но с наклоном влево, будто пишущий привык держать ручку в другой руке. «Вы слушаете нас. Хорошо. Мы тоже слушаем вас. Будьте осторожны — не все голоса в эфире принадлежат живым». Подпись: «А.Л.Г.». Потом были ещё письма — из Рязска, из Лесного, из Озёрного. Я отвечал. Некоторые ответы возвращались — адресат не найден. Некоторые не возвращались вовсе. А некоторые приходили снова и снова, и тогда завязывалась переписка — странная, рваная, будто мы с моими корреспондентами существовали в разных временных пластах и совпадали только в короткие мгновения, когда эфир или бумага позволяли нам соприкоснуться.

Потом я начал находить вещи. Флешку с узором из пяти точек — на полу пустого архива. Обрывок записки — под половицей заброшенной телефонной станции. Письмо без начала и конца — в книге, которую мне дали на реставрацию. Каталог дверных ручек — без автора, без выходных данных, с иллюстрациями, выполненными тушью. Я не искал эти предметы. Они возникали на моём пути, как камни, о которые спотыкаешься в темноте, — и, споткнувшись, вдруг понимаешь, что камень лежал здесь не просто так.

А потом рыбаки вытащили из Ивата дневник.

Это было в декабре — мороз уже сковал берега, но река в середине ещё дышала тёмной водой. Двое местных ставили сети и вытянули что-то тяжёлое. Думали — коряга. Оказалось — книга. Старая, разбухшая, в иле и водорослях, с обложкой, потемневшей до цвета мокрого асфальта. Они принесли её в городскую библиотеку №1 — просто как диковину, пусть лежит. Я

работал там в тот день: разбирал старые формуляры, пытался привести в порядок каталожные карточки, которые, казалось, никто не трогал с советских времён. Мне принесли книгу — и я сразу увидел цифру на обложке. Пять. Просто цифра пять, вытесненная на коже, почти стёртая, но ещё различимая. Я открыл её. Страницы слиплись, чернила расплылись сизыми разводами, буквы расползлись, как насекомые под дождём. Но кое-что можно было разобрать. Я начал переводить.

То, что вы держите в руках, — результат этого перевода. И не только этого.

Я собрал здесь всё, что мне удалось восстановить. Рассказы, которые были рассказаны мне — или не мне, но записаны мной. Переводы находок — дневников, записок, расшифровок. Письма — мои и чужие. И кое-что из того, что я называю «памятью автора»: обрывки, сны, заметки на полях, которые не вошли в основной текст, но без которых текст этот был бы неполон.

Я не утверждаю, что все эти истории — правда. Я не утверждаю, что они — вымысел. Скажу только: я сидел в библиотеке и переводил дневник со дна реки. Я слышал голоса в эфире. Я получал письма от людей, которых, возможно, не существует. Если это и вымысел — то он произошёл со мной на самом деле.

В книге десять рассказов. Пять переводов. Шесть переписок. И память — моя, но, может быть, и не только моя. Я расположил тексты в том порядке, который показался мне верным. Читатель волен читать их подряд или вразброс — истории связаны не сюжетом, но местом, временем и одной тайной, которую я до конца не разгадал. Возможно, вы разгадаете. Возможно — нет. И то, и другое — правильно.

И последнее. Если вы когда-нибудь окажетесь в Иватске — городе, которого нет на многих картах, — не ищите библиотеку №1 специально. Вы её не найдёте. Но если вы заблудитесь в центре и вдруг увидите старое здание с медной ручкой на двери — не входите без приглашения. Или войдите. В конце концов, кто-то же должен стать следующим смотрителем.

Н. Линнши,

Иватск — [год не указан]

«Все тексты переведены с языка тишины. В местах, где смысл ускользал, оставлены пробелы. Читатель волен заполнить их сам. — Н. Линнши»

Рассказы

Тишина в эфире

«Тишина — это не отсутствие звука. Это присутствие». — Б.Х.

Давным-давно — так обычно начинаются истории о приключениях или о делах минувших, покрывшихся пылью забвения. Но эта история не о давнем. Она о том, что случилось не так давно по меркам человеческой памяти, хотя по меркам человеческой жизни — очень давно, так что и вспомнить её уже трудно, и детали расплываются, как чернила на странице, уроненной в воду. Я расскажу вам её — а возможно, и не только её, потому что эта история, как мне кажется, способна связать остальные воедино и нарисовать что-то вроде лабиринта. Или картины. Или карты местности, которой нет ни в одном атласе.

Она произошла в небольшом городе, где все друг друга знали — если не лично, то через кого-то, через соседа, через сослуживца, через продавщицу из мясного отдела. Город назывался Иватск. Он стоял на реке Иват — узкой, глубокой и странно тёплой даже в октябре, когда вода в других реках уже сводила пальцы холодом. Местные говорили: «парное молоко». И ездили купаться за город, туда, где берег был песчаным, а течение — медленным и сонным. Иватск был из тех городов, которые не попадают в путеводители. Через него проходила одна железнодорожная ветка, и поезда замедляли ход, но редко останавливались. В городе имелись школа, библиотека, рынок, водонапорная башня на окраине и старая телефонная станция, которую закрыли ещё в девяностых. Вот, собственно, и всё.

Павел Тишин жил в Иватске уже двенадцать лет. Он приехал сюда после института — распределился учителем истории в среднюю школу №2, да так и остался. Сперва думал: на год-два, пока не подвернётся что-то получше. Но что-то не подворачивалось, а он и не особенно искал. Ему нравилось учить детей. Нравилось заходить в класс октябрьским утром, когда за окнами ещё темно, и включать верхний свет, и видеть, как парты выступают из полумрака — казённые, исцарапанные, с откидными крышками, пахнущие мелом и пылью. Нравилось, как ученики — седьмой «Б», девятый «А» — затихали, когда он начинал рассказывать не по учебнику, а своё: про то, как Геродот описывал Вавилон, про лабиринт Минотавра, который, возможно, был вовсе не лабиринтом, а чем-то иным, про странные совпадения в датах и событиях, которые историки предпочитают не замечать. Дети слушали. Не все, конечно, — на задних партах по-прежнему шушукались и чертили в тетрадах — но несколько человек всегда подавались вперёд. И это было лучшее, что Павел знал о своей работе.

Он был невысок, сутуловат, носил очки в тонкой металлической оправе и имел привычку потирать переносицу, когда задумывался. Одевался просто: брюки, рубашка, в холодное время — серый свитер с протёртыми локтями. Жил один, в однокомнатной квартире на третьем этаже панельного дома. Квартира была обставлена скромно: диван, стол, книжный шкаф, набитый так, что полки прогибались, и старый радиоприёмник «Ригонда» на тумбочке у окна. Приёмник Павлу достался от деда — тот был связистом, прошёл войну, а после демобилизации до конца дней работал на городском радиоузле. Дед умер, когда Павлу было одиннадцать, но он хорошо помнил его: сухие пальцы с жёлтыми подушечками от табака, запах канифоли и нагретого металла, тихий голос, говоривший: «Слушай, Паша. В эфире много чего есть. Не только музыка и новости. Главное — найти правильную частоту». Приёмник дед завещал ему лично. Мать хотела выбросить — громоздкий, пыльный, занимает место, — но Павел не дал. Приёмник переехал с ним в Иватск и занял почётное место у окна.

Вечерами Павел включал его. Не для музыки — для тишины. Он нашёл частоту, на которую никто не вещал: просто ровный, спокойный шум, похожий на дыхание спящего человека. Иногда в этом шуме прорезались далёкие обрывки — кусок чьей-то речи, такт мелодии, писк морзянки, — но они тут же гасли, и снова наступал покой. Павел садился в кресло, брал книгу или тетрадь с заметками и слушал. Не вникая — просто позволяя шуму заполнять комнату. Это успокаивало.

Он вообще был человеком тихим. Не замкнутым, нет — просто тихим. Коллеги по школе уважали его, но близко не сходились. Соседи здоровались, но в гости не заходили. Настоящих друзей у него было трое, и все трое жили в других городах: Антон Рябов — в Ряжске, технарь, помешанный на радио и старых частотах; Виктор Сомов — в Озёрном, историк и картограф, работавший в краеведческом музее; Лена Шепоткина — в Лесном, лингвист, тихая женщина с удивительной способностью читать тексты, написанные задом наперёд, и находить смысл там, где другие видели бессмыслицу. Они общались через тот же приёмник — вернее, через коротковолновую связь, которую наладили ещё в институте. Каждый вечер, ровно в десять, они выходили на связь и обменивались новостями, загадками, находками. Это был их ритуал, их тайный клуб — четверо человек, разбросанных по разным городам, но связанных одним интересом. Интерес был — альтернативная история. Не та, что с инопланетянами и Атлантидой, а тихая, кабинетная: нестыковки в документах, здания, которых нет на планах, двери, ведущие в никуда, карты, на которых одни и те же пустоты повторяются в разных странах и веках. Каждый из них коллекционировал такие нестыковки — и делился с остальными.

Всё началось в пятницу. Был конец августа — та пора, когда лето уже выдыхается, но осень ещё не решается вступить в права, и вечера стоят тёплые, с запахом сухой травы и речной воды. Павел вернулся из школы (он готовил кабинет к сентябрю, расставлял книги, протирали доску), поужинал, сел к приёмнику. Включил. Нашёл частоту — ту самую, пустую, — и приготовился слушать шум. Но шума не было. В эфире стояла тишина. Не просто отсутствие звука — а тишина, которая давила на уши, как вата, и в этой тишине что-то дышало.

Павел покрутил настройку. Покрутил ещё. Приёмник был настроен на ту самую пустую частоту — 145,8 МГц, мёртвую, без вещания, только ровный шум. Он машинально глянул на часы — стрелка подползала к десяти, — и в этот момент тишина вдруг оборвалась. Зазвучал голос. Женский. Он говорил на языке, которого Павел не знал. Слова были плавными, с обилием шипящих и долгих гласных, и в них угадывался ритм — не стихотворный, но почти музыкальный. Павел схватил со стола карандаш и стал записывать — прямо на обрывке бумаги, который подвернулся под руку (это был библиотечный формуляр, но сейчас это не имело значения). Он писал быстро, как слышал, не пытаясь понять, просто фиксируя звуки. Голос длился минуту, может, две. Потом — снова тишина. Потом — шум, обычный, ровный, дыхательный. Как будто ничего не было.

Павел перевёл дух и посмотрел на листок. Там было написано:

«ижуранс тен отогорок етсем — укчур отэ ино яанялсб»

Он долго смотрел на эти каракули, пытаясь понять, что это за язык, — и вдруг сообразил. Это был русский. Задом наперёд. Он подошёл к зеркалу в прихожей, поднёс листок — и в отражении прочитал:

«странные сигналы — это ключ к месту, которого нет снаружи»

Чушь какая-то. Или не чушь. Павел вернулся в комнату, попытался связаться с источником сигнала — нажал тангенту, вызвал. Тишина. Попробовал ещё раз. Тишина. Тогда он записал сообщение на диктофон — старенький, кассетный, ещё дедов, — перемотал, прослушал. Женский голос был спокоен и ровен, и в нём не слышалось угрозы. Скорее — приглашение. Или предупреждение. Или и то и другое сразу.

Он вызвал друзей по рации. Антон отозвался первым — голос сонный, но встревоженный: «Паша, ты чего? Полночь почти». Павел спросил, не слышал ли он что-нибудь на частоте.

Антон ответил, что спал и вообще вечером в эфире был только шум. Подключилась Лена — её голос звучал глухо и далеко, как всегда из Лесного, где связь ловила плохо. Она тоже ничего не слышала. Виктор не вышел на связь — видимо, уже лёг. Павел хотел рассказать им о сообщении, но почему-то передумал. Сказал: «Мне показалось, что кто-то говорил. Наверное, за окном — люди проходили, или подростки». И засмеялся — коротко, не очень убедительно. Лена, кажется, не поверила, но промолчала. Антон зевнул в эфир. Разговор перешёл на другое, и через полчаса они попрощались.

Выходные Павел провёл как в тумане. Он перечитывал запись, включал диктофон, снова и снова всматривался в зеркальное отражение слов. «Место, которого нет снаружи» — что это значит? Опечатка? Ошибка перевода? Шифр? Он знал Иватск вдоль и поперёк. Здесь не было тайных комнат, подземелий, заброшенных особняков. Обычный город — панельные дома, школа, рынок, библиотека. Библиотека.

Он вдруг остановился на этом слове.

Библиотека. Старое здание в центре. Он проходил мимо сотни раз — и ни разу не заходил внутрь. А что, если...

Он отогнал мысль. Рано. Слишком мало данных.

В воскресенье вечером он отправил сообщение Лене по электронной почте — коротко, без подробностей, попросил посмотреть, не встречалось ли ей в старых текстах выражение «место, которого нет снаружи» или похожие конструкции. Она ответила через час: «В фольклоре северных областей есть упоминания о „домах без окон“, которые видны только изнутри. Или о „комнатах ожидания“ — помещениях, которые существуют, но не имеют входа. А что?»

Павел не ответил. Он закрыл почту и долго сидел, глядя в тёмный экран монитора. «Дома без окон, которые видны только изнутри». Это звучало как бред. Или как подсказка. Он не мог решить.

Лето в тот год выдалось долгим. Август перетёк в сентябрь почти незаметно — лишь ночи стали холоднее, да листва на берёзах по краям тротуаров начала желтеть по утрам. Павел уехал за город — не на дачу в привычном смысле, а в маленький дом у реки, который снимал уже пятое лето подряд. Дом стоял на отшибе, в трёх километрах от леса, и принадлежал старухе, которая жила в Иватске и появлялась раз в год — забрать деньги и проверить, не провалилась ли крыша. Крыша не проваливалась. Дом был крепкий, рубленый, с печью и скрипучими половицами. Павлу нравилось здесь: тихо, только ветер в соснах да далёкий шум реки.

Он купался каждый день. Иват был странно тёплым — не как вода, прогретая солнцем, а глубинно, словно его грело что-то снизу. Местные говорили: «парное молоко». Приезжих здесь почти не бывало — узкая река, неудобный спуск, илистое дно. Но Павел любил это место. Можно было заплывать на середину, лечь на спину и смотреть в небо, пока вода держит тебя, как ладонь. Однажды, в конце августа, он сидел на берегу и смотрел, как вода движется кругами — не от ветра, а изнутри, будто кто-то в глубине провёл рукой. Он вгляделся и увидел рыбу. Большую, тёмную, почти чёрную. Она проплыла близко к поверхности и ушла на глубину. И Павлу вдруг показалось, что рыба посмотрела на него. Не скользнула глазом — а посмотрела, оценивающе, как смотрят на человека, которого не ждали встретить, но узнали. Он отогнал эту мысль. Рыбы не смотрят. У них глаза по бокам. Но осадок остался.

Рядом с рекой был лес. Станный лес — Павел знал его вдоль и поперёк за пять лет, но так и не привык. С одной стороны росли тонкие северные берёзы — белые, частые, как прутья решётки. С другой — дубы, каждый в три обхвата, с тёмной, почти чёрной корой. И среди них — несколько елей, штук десять, не больше, но стояли они так плотно, что казались стеной. Берёзы, дубы и ели в одном лесу — такого не должно было быть, но было. Местные жители, обитавшие в дачных домах километрах в пяти-семи отсюда, ходили в лес гулять. И всегда — всегда — выходили с двумя полными ведрами: одно грибов, другое ягод. Ни больше, ни меньше. Павел проверял: заходишь с пустыми руками — возвращаешься ровно с двумя

ведрами. Как будто лес сам решал, сколько тебе унести. Он рассказывал об этом друзьям в эфире. Антон смеялся: «Статистическая погрешность». Лена молчала. Виктор просил координаты — хотел нанести лес на карту. Павел дал. Виктор потом сказал, что на спутниковом снимке на этом месте — сплошная зелень, без просветов, без просек, без дорог. «Как будто лес не хочет, чтобы его видели сверху». Это было сказано в шутку. Павел не засмеялся.

В середине августа он на неделю вернулся в Иватск — нужно было подготовить кабинет к учебному году, разобрать новые пособия, составить план. Он вошёл в школу, и его обдало запахом мела и старого линолеума — тем самым запахом, который он помнил с собственного детства. В учительской его встретила завуч, сухая женщина с причёской, похожей на птичье гнездо, и сказала: «Тишин, у вас в этом году седьмые и девятые, плюс классное руководство над восьмым „В“». Он кивнул. Восьмой «В» он знал — шумные, но смышлёные. Особенно Сима Ковалёва — тихая девочка с острыми скулами и привычкой задавать вопросы, на которые невозможно ответить.

В сентябре жизнь потекла своим чередом. Павел вставал в семь, шёл в школу, проводил уроки, проверял тетради. Он любил давать детям загадки — не по программе, для разминки, для интереса. Например, такую: «В городе есть здание. На первом этаже — четыре окна, на втором — пять, на третьем — четыре. Сколько этажей в здании, если на последнем этаже окон нет?» Дети думали, спорили, рисовали схемы на доске. Находили решения — иногда правильные, иногда такие, какие взрослому бы и в голову не пришли. Сима Ковалёва подняла руку и сказала: «Павел Сергеевич, а если окон нет — может, это подвал? Но подвал — это не этаж. Значит, этаж — тот, что над последним с окнами. Невидимый». Класс засмеялся. Павел не засмеялся. Он вдруг вспомнил библиотеку. Здание с двумя этажами и заколоченными окнами. «Невидимый этаж». Это было слишком близко. Слишком похоже на «место, которого нет снаружи». Он отложил мел, вытер руки и сказал: «Хорошая мысль, Сима. Очень хорошая». И продолжил урок.

В тот вечер он снова включил приёмник. Частота 145,8 МГц молчала — только ровный шум, как всегда. Павел просидел у приёмника до полуночи, но сигнала не было. Он уже решил, что всё случившееся — случайность, сбой, чья-то шутка. И тут — в начале октября — приёмник ожил снова.

В октябре зарядили дожди. Иватск стал серым, мокрым, съёжился под низким небом, и только жёлтые листья на тротуарах напоминали, что ещё не зима. Павел возвращался из школы поздно — задержался, проверял контрольные. Вошёл в квартиру, снял плащ, прошёл к приёмнику. Включил по привычке. И снова — на частоте 22:00 — тишина, а потом голос. Тот же женский, спокойный. Но теперь сообщение было длиннее — несколько фраз, которые Павел снова записал, на этот раз на диктофон. Он прокрутил запись несколько раз и понял: это координаты. Или описание места. Он расшифровал: «Здание из красного кирпича, три окна на втором этаже заколочены, дверь с медной ручкой в виде совы. Библиотека. Спросить 3.». Павел знал это здание. Городская библиотека №1. Он проходил мимо неё каждый день — на работу и обратно. Старое кирпичное здание с облупившимся фасадом, тремя заколоченными окнами и тяжёлой деревянной дверью, медная ручка на которой и вправду была отлита в виде совы с растопыренными крыльями. Он никогда не придавал этому значения. Ручка как ручка. Сова как сова.

Он задумался. Может быть, он неправильно перевёл? Может быть, это не библиотека, а что-то другое? Он проверил. Перепроверил. Всё указывало на библиотеку. Тогда он сказал себе: «Завтра зайду. Просто посмотрю». И лёг спать.

На следующий день, в субботу, он подошёл к библиотеке. Она стояла в центре города, на пересечении улиц Советской и Труда, занимая целый квартал. Когда-то, в советские времена, сюда ходили за книгами — теперь же библиотека была почти заброшена: фонды списали, читальный зал закрыли, остался только абонемент для пенсионеров, и тот работал три дня в

неделю. Павел взялся за ручку-сову. Металл был холодным и гладким, отполированным до блеска — видно, за неё часто брались. Он повернул. Дверь открылась бесшумно.

Внутри пахло старой бумагой и почему-то сладким — как будто где-то жгли сахар. За столом, в глубине вестибюля, сидел человек. Мужчина лет шестидесяти пяти — семидесяти, с белыми волосами и белой же бородой, аккуратно подстриженной. Одет он был в тёмный костюм, белую рубашку и галстук — старомодно, но опрятно, словно собрался на приём. Из-под стола выглядывали тёмно-коричневые туфли, начищенные так, что в них отражался потолочный светильник. Когда Павел вошёл, мужчина поднял глаза, улыбнулся, встал и первым протянул руку. В его взгляде читалось что-то странное — не удивление, не любопытство. Признание. Как будто он уже давно знал Павла, но видел его впервые.

— Здравствуйте. Меня зовут Аркадий Львович, — сказал он. Голос был сухим, но приятным, с лёгкой хрипотцой. — Я вас очень давно жду. Честно говоря, уже не был уверен, получили ли вы моё сообщение. Но раз вы здесь — значит, получили.

Павел растерялся. Сообщение? Это он посылал? Старик — библиотекарь? Он хотел спросить, что за сообщение, на каком языке, почему задом наперёд, но вместо этого сказал:

— Я немного смущён приглашением. Я так и не понял, для чего я здесь.

Аркадий Львович кивнул — так, будто другого ответа и не ждал.

— Сейчас всё расскажу. Идёмте.

Он повернулся и пошёл вглубь библиотеки — мимо стеллажей с книгами, мимо старых каталожных шкафов с выдвижными ящичками, пахнущими картоном и временем. Павел шёл за ним. Они миновали читальный зал — огромную комнату с высокими окнами, за которыми моросил дождь, — и подошли к двери. Не к входной — к другой, незаметной, в глубине коридора, за книжным стеллажом. Дверь была старая, стальная, с пятнами ржавчины по углам. Аркадий Львович достал из кармана связку ключей — огромную, на среднем кольце, — выбрал самый большой, с бородкой сложной формы, вставил в скважину и повернул. Два раза налево, один направо. Замок щёлкнул. Дверь открылась.

За дверью был коридор. Длинный, с высоким потолком, освещённый тусклыми лампами в металлических плафонах. По сторонам — двери: четыре слева, четыре справа. Все одинаковые, деревянные, с круглыми вращающимися ручками. Восемь дверей. И в центре, прямо по курсу, — двустворчатая дверь, больше остальных, с медными петлями и ручками в виде сов. Такими же, как на входе. Аркадий Львович прошёл мимо боковых дверей, не останавливаясь, и толкнул центральную. Она подалась — тяжело, с низким, утробным звуком.

За ней был зал. Огромный, круглый, уходящий вверх на высоту трёх или четырёх этажей. Стены были уставлены книгами — от пола до потолка, без единого промежутка. Посередине стоял массивный стол, заваленный картами, свитками и приборами, назначения которых Павел не знал. В центре стола — флешка. Маленькая, чёрная, с выгравированным узором: пять точек, четыре по углам воображаемого квадрата и одна в центре. Павел заметил её машинально, но Аркадий Львович перехватил его взгляд и сказал:

— Потом. Сначала — наверх.

В дальнем конце зала была лестница — винтовая, железная, с вытертыми до блеска ступенями. Они поднялись. И вышли на смотровую площадку — под самый купол. С неё открывался вид на весь Иватск: серый, мокрый, притихший под октябрьским небом. И дальше — на реку, на лес, на поля, на пределы соседнего города, до которого было километров сорок. Павел смотрел и не понимал. Он знал Иватск. Он знал библиотеку. С улицы у неё было два этажа. Два. Не было ни купола, ни башни. Их не существовало.

Аркадий Львович, стоя рядом и глядя вдаль, сказал:

— Видят не глазами, Павел. Видят вниманием. Вы слушали тишину годами — это редкий навык. Большинство людей слушают только голоса. А тишина — она ведь тоже говорит. И она гораздо старше голосов.

Павел молчал. Он смотрел на город сверху и чувствовал что-то странное: как будто он стоял здесь всегда. Как будто это место ждало его — не день, не месяц, а гораздо дольше. Он повернулся к старику, чтобы спросить — что это за место? почему он? кто такой этот «З.»? — но Аркадий Львович уже спускался по лестнице, и его шаги звучали глухо, как удары метронома.

Внизу он остановился у стола, взял флешку и протянул Павлу.

— Это вам. Посмотрите позже. А пока — мне нужно рассказать вам одну вещь. Точнее, дать загадку. Вернее — приглашение.

Он улыбнулся — мягко, но с какой-то скрытой печалью.

— Я искал не гостя, Павел. Я искал зрителя. Вы слушали тишину. Этого достаточно. Остальное узнаете сами. И не один — вам понадобятся друзья.

Аркадий Львович положил на стол сложенный лист бумаги — старый, пожелтевший, но без единой складки, кроме тех, что были сделаны сейчас. И вышел из зала — тихо, как будто его и не было. Павел остался один. В тишине. В башне.

На листе была загадка.

Павел стоял в пустом зале, под куполом, и смотрел на пожелтевшую бумагу. Аркадий Львович ушёл — тихо, как и появился, и только эхо его шагов ещё гуляло где-то в коридоре за двустворчатой дверью. Павел развернул листок. Почерк был ровный, с лёгким наклоном влево — такой бывает у людей, которые привыкли писать не правой рукой. Чернила синие, но выцветшие до серости. Вверху — одна строчка, без обращения, без подписи:

«Дверь открывается ручкой. Ручка открывается вниманием. Внимание открывается тишиной. Найдите третью ручку слева в коридоре. Поверните дважды против часовой. Остальное узнаете сами».

Павел перечитал трижды. Загадка походила на инструкцию — странную, но инструкцию. Он вышел из зала в коридор. Восемь дверей — четыре слева, четыре справа. Он отсчитал третью слева. Ручка была такой же, как остальные: круглая, латунная, с мелкими насечками по ободу, потёртая до блеска. Он взялся за неё. Повернул дважды против часовой — с усилием, металл скрипнул, где-то внутри механизма что-то щёлкнуло. Дверь не открылась. Он потянул — нет. Толкнул — нет. Он уже решил, что ошибся дверью, как вдруг заметил, что насечки на ручке изменили рисунок — теперь они складывались в пять точек: четыре по углам и одна в центре. Тот же узор, что на флешке.

Он вернулся в зал. На столе, среди карт и свитков, лежала флешка — маленькая, чёрная, с выгравированным узором из пяти точек. Аркадий Львович сказал: «Посмотрите позже». Павел взял её, повертел в пальцах. Флешка была тёплой — не нагретой, а именно тёплой, словно ею только что пользовались. Он сунул её в карман и вышел из библиотеки. На улице смеркалось. Дождь перестал. Мокрая листва блестела под фонарями.

Дома он, не снимая плаща, сел к столу и включил ноутбук. Вставил флешку. Компьютер загудел, замигал индикатором — и ничего не произошло. Система не видела устройство. Павел перезагрузил ноутбук — то же самое. Флешка была пуста — или притворялась пустой. Он попробовал на старом компьютере, который держал для хранения учебных материалов, — нет. Попробовал через переходник в приёмнике — тишина. Тогда он отложил флешку в сторону и достал листок с загадкой. Перечитал. «Дверь открывается ручкой. Ручка открывается вниманием». Что это значит — внимание? Смотреть? Слушать? Думать?

Он подошёл к приёмнику. Частота 145,8 МГц молчала — ровный шум, дыхательный, спокойный. Он покрутил ручку настройки, и шум изменился — стал глубже, ниже, словно кто-то дышал не в микрофон, а прямо в динамик. И в этом дыхании ему послышался ритм. Не азбука Морзе — что-то другое, проще. Паузы. Короткая — длинная — короткая — пауза — длинная — длинная — короткая. Он схватил карандаш, записал. Посчитал. Семь точек, три тире, снова семь точек. Похоже на код, но без алфавита код — просто шум.

Он отправил запись Лене по электронной почте — аудиофайл, без пояснений. Через час она ответила: «Это не код. Это дыхание. Семёрка — вдох, тройка — выдох, семёрка — задержка. Так дышат люди в глубоком сне. Или в трансе. Откуда это?» Павел написал: «Из эфира». Она помолчала — в почте, но он чувствовал её паузу за сотни километров, в Лесном, где связь ловила плохо, а за окнами шумел вековой лес. Потом она ответила: «Пришли мне всё, что у тебя есть. Я посмотрю».

Он выслал ей фотографию листка с загадкой Аркадия Львовича, фотографию ручки с пятью точками, скан зеркального сообщения — всё, что накопилось за последние недели. Лена молчала до утра. А утром в почте лежало письмо — длинное, на три страницы, с примечаниями и сносками. Она расшифровала не всё, но главное вычленила.

«Паша, — писала она, — это не просто загадка. Это инструкция по активации. Твой библиотечарь — или не библиотечарь — дал тебе ключ к башне. Не к зданию — к башне. Такие башни упоминаются в трёх источниках, которые я нашла: в трактате „Реестр неучтённых строений Иватской губернии“ (аноним, 1730-е), в дневнике полицейского из Каменска (1960-е) и в „Каталоге дверных ручек“ (год неизвестен, автор неизвестен). Все три источника говорят об одном: башня — это место, которое существует одновременно внутри и снаружи. Войти в неё может только тот, кто слушает тишину. Ты слушаешь тишину. Ты уже вошёл. Теперь нужно активировать. Как — я не знаю. Но, судя по тексту загадки, всё сводится к ручке. Попробуй повернуть её. Только — будь осторожен. В дневнике полицейского сказано: „Дверь открывается не для всех. Некоторые, кто вошёл, не вышли“».

Павел перечитал письмо. Потом ещё раз. И ещё. Никаких подсказок про четверых, никаких скрытых строк. Только он, ручка и тишина. Он закрыл почту и долго сидел, глядя в тёмный экран.

Всю неделю он откладывал. Уроки, тетради, планы — жизнь цеплялась за него привычками, не отпускала. Но каждый вечер он смотрел на флешку, лежавшую на столе, и думал о двери в коридоре. О ручке с пятью точками. О том, что башня ждёт. В четверг он снова сходил к библиотеке — просто чтобы постоять напротив. На двери висела табличка: «Закрыто по техническим причинам». Медная сова блестела под дождём, и в её выпуклых глазах отражался фонарь. Павел потрогал ручку — холодная, скользкая. Он хотел надавить, но передумал. Завтра. Завтра пятница.

В пятницу он закончил уроки, проверил контрольные, отпустил учеников. В учительской было пусто — коллеги разошлись по домам. Он надел плащ, сунул флешку в карман и вышел. На улице было ветрено, с деревьев срывало последние листья. Он перекусил в закусочной у рынка — взял чай и бутерброд, съел без вкуса, глядя в окно на серый город. Потом пошёл к библиотеке.

Фонарь над входом не горел. Павел остановился перед дверью библиотеки, достал из кармана флешку — зачем, он и сам не знал, — и машинально глянул на табличку, висевшую на двери. Вчера на ней было написано: «Закрыто по техническим причинам». Сегодня надпись осталась — но буквы были перевернуты. Зеркально. «Мяиначирп меиксечимнет от отырказ». Павел моргнул. Потёр глаза — сказывалась усталость после уроков, после проверки тетрадей, после бессонных ночей с приёмником. Он снова посмотрел на табличку. Надпись не изменилась — всё та же зеркальная абракадабра. Переутомление. Галлюцинация. Или нет. Или башня подавала знак.

Он взялся за медную ручку-сову. Металл был ледяным. Повернул до упора вправо — сильно, с настойчивостью, которой сам от себя не ожидал. Замок щёлкнул. Дверь подалась.

Внутри было темно. Только свет уличных фонарей просачивался сквозь высокие окна читального зала, рисуя на полу бледные прямоугольники. Павел стоял в вестибюле и медленно обводил помещение взглядом: каталожные шкафы, стойка абонемента, старые афиши на сте-

нах. Всё как в прошлый раз. И одновременно — по-другому. Воздух был плотнее. Тишина — глубже.

Он сделал шаг к стойке, где в первый визит сидел Аркадий Львович. И в этот момент свет зажёгся — сразу во всей библиотеке, разом, без обычного для старых ламп моргания и гудения. Просто вспыхнул и залил помещение ровным, тёплым сиянием. Павел замер. Сердце ударило в рёбра — один раз, другой. Он выждал несколько секунд. Ничего не произошло. Тогда он продолжил путь к стойке.

На стойке лежали ключи — связка из трёх, на стальном кольце, — и записка. Ярко-жёлтая, почти лимонная, сложенная пополам. Павел развернул её. Почерк Аркадия Львовича — ровный, с лёгким наклоном влево:

«Вы готовы. Ключи от башни. Входите. А.Л.Г.»

Он взял ключи. Металл был холодным, но не ледяным — обычный холод старого железа. Сунул записку в карман. И пошёл вглубь библиотеки — туда, где за читальным залом, за книжным стеллажом, пряталась стальная дверь.

Стеллаж был отодвинут — видимо, с прошлого раза его никто не возвращал на место. Стальная дверь оказалась закрыта. Павел перебрал ключи на связке — все три были разной формы: один плоский, второй с круглой бородкой, третий — точная копия того, что он видел у Аркадия Львовича. Он вставил третий в скважину. Повернул дважды налево, один раз направо — как запомнил. Замок поддался с глухим, утробным щелчком. Дверь открылась.

За ней был коридор.

Длинный, с высоким потолком, освещённый тусклыми лампами в металлических плафонах. По сторонам — двери, но Павел не смотрел на них. Он шёл прямо — туда, где в конце коридора темнела двустворчатая дверь. Та самая, за которой в прошлый раз открылся огромный зал с куполом. Он подошёл ближе и заметил, что на ручке — медной, в виде совы с растопыренными крыльями, такой же, как на входе, — проступил узор из пяти точек. Четыре по углам, одна в центре. Башня знала, что он здесь. Башня ждала.

Он взялся за ручку обеими руками — створки были тяжёлыми — и потянул на себя. Дверь подалась с низким, утробным звуком. За ней была темнота — плотная, почти осязаемая. Павел шагнул в неё и оказался в круглом зале под куполом. Тот же огромный зал, те же книги на стенах до потолка, тот же стол в центре. Но теперь всё выглядело иначе. Книги светились изнутри, воздух был плотным и тёплым. На столе стоял компьютер — древний, с толстым корпусом цвета слоновой кости. Кнопка включения подрагивала, будто ждала. Павел подошёл. Вставил флешку. Компьютер ожил.

На экране побежали строки — белые на чёрном, без всякой графики, словно из девяностых:

БАШНЯ №1 — АКТИВАЦИЯ.

СМОТРИТЕЛЬ: ТИШИН ПАВЕЛ.

СТАТУС: ПРИНЯТ.

ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ... ГОТОВО.

СИНХРОНИЗАЦИЯ ПО СЕТИ... ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПОЛУЧЕНО.

БАШНЯ №2 — РЯЖСК. СМОТРИТЕЛЬ НЕ НАЗНАЧЕН. ОЖИДАНИЕ.

БАШНЯ №3 — ЛЕСНОЕ. СМОТРИТЕЛЬ НЕ НАЗНАЧЕН. ОЖИДАНИЕ.

БАШНЯ №4 — ОЗЁРНЫЙ. СМОТРИТЕЛЬ НЕ НАЗНАЧЕН. ОЖИДАНИЕ.

БАШНЯ №5 — ... ПОДТВЕРЖДЕНИЕ НЕ ТРЕБУЕТСЯ.

Павел читал и не верил глазам. Ряжск. Лесное. Озёрный. Города его друзей. Антон, Лена, Виктор. Башни были там — и ждали своих зрителей. Он ещё не знал, как именно, но система уже знала. Она знала всё.

Экран мигнул. Появилась новая строка:

ВНИМАНИЕ: ВХОДЯЩЕЕ СООБЩЕНИЕ. БАШНЯ №5

Динамики компьютера издали короткий сигнал — резкий, как будильник. И зазвучал голос. Тот самый женский, из эфира, но теперь чистый, без помех, спокойный и немного замедленный, словно говорящий тщательно подбирал слова:

«Смотритель башни №1 назначен. Остальные башни ожидают назначения. Рекомендованные кандидаты: башня №2 — Рябов Антон, город Рязск, водонапорная башня. Башня №3 — Шепоткина Елена, город Лесное, архив. Башня №4 — Сомов Виктор, город Озёрный, маяк. Смотритель башни №1 должен уведомить кандидатов. Ключи активации находятся в главных залах соответствующих объектов. После активации всех башен — сбор. Место и время сбора будут переданы дополнительно. Конец сообщения».

Компьютер погас. Флешка вытолкнулась из разъёма — теперь она была горячей, почти обжигала пальцы. Павел стоял в тишине и смотрел на тёмный экран. Потом медленно опустился в кресло у стола — старое, кожаное, с высокой спинкой. Башня дышала. Теперь он слышал это отчётливо: не шум вентиляции, а именно дыхание — глубокое, медленное, семь секунд вдох, три выдох, семь пауза. Как шум в эфире на частоте 145,8 МГц. Он закрыл глаза — и почувствовал, что башня знает о нём всё. Не мысли — глубже. Знает его дыхание, его пульс, его тишину.

Он не знал, сколько просидел так. Час, может, два. Когда он открыл глаза, за окнами — нет, не за окнами, в башне не было окон, — где-то снаружи, за стенами, начало светать. Он оглядел зал. Книги на стенах стояли ровными рядами, и на корешках проступали названия, которых он не замечал раньше: «Топография тишины», «Реестр неучтённых строений Иватской губернии», «Каталог дверных ручек», «Дневник смотрителя (башня №2, до стирания)». И последняя — без названия, только цифра 5 на корешке, вытесненная на тёмной коже. Павел протянул руку, но остановился. Не сейчас. Сейчас — друзья.

Он вышел из библиотеки под утро. Дождь кончился. Над Иватском висело низкое, серое небо, но на востоке, над рекой, уже пробивалась бледная полоса рассвета. Улицы были пусты. Павел шёл и чувствовал, что город изменился — не внешне, но он теперь видел его иначе. Как будто смотрел сверху, из-под купола, которого нет ни на одном плане.

Дома он сел к приёмнику. Не включая, просто глядя на его тёплый ламповый глазок. Потом открыл ноутбук и написал три письма — Антону, Лене, Виктору. Коротко, почти одинаково: «Ты не поверишь. Но я должен тебе кое-что рассказать. Это касается всех нас. Свяжись со мной». Ответы пришли в тот же день. Антон позвонил первым — и Павел говорил с ним час, пытаясь объяснить то, чего сам до конца не понимал. Лена выслушала молча и сказала: «Я знала. То есть не знала, но чувствовала. Лесной архив — он странный. Я работаю там три года и всегда ощущала, что в здании есть помещение, которого нет на плане». Виктор ответил короче всех: «Маяк. Я знал. Я всегда знал, что маяк — не просто маяк. Жду подробностей».

Через неделю Павел получил письмо. Конверт без марки, без штемпеля. На листе серой бумаги — несколько строк от руки, с наклоном влево:

«Вы справились с первым заданием. Теперь — главное. Ключи для ваших друзей готовы. Пусть каждый найдёт в своём городе дверь с медной ручкой. Дальше они знают. Сбор — на зимних каникулах. Место встречи — Каменск, старая телефонная станция. Пятая башня ждёт. И помните: не входите в неё по одному. Аркадий Львович передаёт привет. А.Л.Г.»

Павел перечитал письмо дважды. Каменск. Старая телефонная станция. Город на скалах, в сотне километров от Иватска. Он никогда там не был.

Он подошёл к окну. За стеклом моросил дождь — мелкий, октябрьский, обволакивающий город серой пеленой. Где-то в этой пелене, за сотни километров отсюда, стояли ещё четыре башни. Три из них ждали своих смотрителей. Одна — пятая — ждала всех.

Он сел к приёмнику, включил его, нашёл частоту 145,8 МГц — теперь она звучала иначе: не шумом, а ровным, спокойным дыханием, — и сказал в микрофон:

— До зимних каникул.

В динамике что-то щёлкнуло. И женский голос — тот самый, из башни, — ответил:
— До зимних.

Здесь я, составитель, вынужден прервать повествование — не потому, что история Павла Тишина закончена, а потому, что следующий её этап требует отдельного рассказа. Того, что произошло зимой, в Каменске, на старой телефонной станции, хватит на целую главу. А пока — несколько слов.

Павел действительно связался с друзьями. Они действительно встретились — впервые за два года, все четверо, на заснеженном вокзале чужого города. И то, что они нашли в пятой башне, изменило каждого. Но об этом — дальше.

Я лишь добавлю: когда я работал с архивом Павла, меня не покидало ощущение, что он знал больше, чем говорил даже самым близким. В его записях есть пробелы — не вырванные страницы, а именно пробелы, тишина между строк. Возможно, башня №1 уже тогда начала стирать ему память. А возможно, он сам решил, что не всё следует записывать. Не всё следует рассказывать. И, наверное, был прав.

Зимние каникулы

«Дверь открывается не ключом. Дверь открывается вниманием». — из Каталога дверных ручек

История Павла Тишина на этом не закончилась — она лишь достигла того места, где один рассказ должен уступить дорогу другому. То, что случилось зимой в городе Каменске, потребовало от меня отдельного повествования. Я восстановил его по письмам, по обрывкам дневников, по расшифровкам эфирных записей, которые Павел вёл все эти месяцы. И теперь, собрав разрозненные фрагменты, я могу рассказать, как четверо друзей впервые собрались вместе после долгой разлуки — и как они вошли в пятую башню.

Но прежде — о том, что предшествовало встрече.

Антон Рябов получил письмо Павла во вторник утром. Он прочитал его дважды, стоя на пороге своего дома в Ряжске, и ветер с полей трепал листок, вырывая из рук. «Ты не поверишь. Но я должен тебе кое-что рассказать. Это касается всех нас». Антон верил. Он всегда верил Павлу — они дружили ещё с института, вместе собирали первые приёмники, вместе просиживали ночи в эфире, ловя далёкие радиостанции. И теперь Павел писал о башне. О водонапорной башне на окраине Ряжска — той самой, которую Антон видел каждый день из окна и никогда не считал чем-то особенным.

Он пошёл туда в тот же вечер. Водонапорная башня стояла на холме, старая, кирпичная, восьмигранная, с винтовой лестницей, которая гудела под ногами. На самом верху, в круглой комнате, где когда-то находился резервуар, было пусто и сухо. Пахло железом и известкой. Посередине стоял старый распределительный щит с лампочками и стрелками — Антон сначала принял его за музейный экспонат, оставшийся от прежних времён. Но в центре щита было гнездо, а в гнезде уже торчал ключ — маленький, с круглой бородкой, холодный на ощупь. Рядом лежала записка: «Ряжск. Башня №2. Вставьте ключ. М.В.С.». Антон повернул ключ.

Щит ожил — лампочки загорелись зелёным, стрелки дрогнули и поползли вправо. Где-то в глубине башни заработал механизм, низкий, мерный, как сердцебиение. Антон огляделся — и увидел, что на стенах проступили полки, а на полках лежали журналы связи, карты радиочастот, справочники позывных за последние пятьдесят лет. Башня была не просто зданием. Она была узлом связи — и она ждала своего зрителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.